УДК 378.37.034(571.1/5)(09)

ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ СИБИРИ. 1958–1991 гг. (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

В.В. Петрик

Томский политехнический университет
Тел.: (382-2)-56-34-02

Отражено состояние нравственно-эстетического воспитания студенчества в высших учебных заведениях Сибири в конце 1950-х — начале 1990-х гг. Проанализированы и оценены формы, содержание и результаты деятельности вузовских коллективов по проведению воспитательной работы со студентами во внеучебное время. Показано, что их усилия в этой сфере содержали и положительные, и негативные моменты.

Параллельно с совершенствованием учебного процесса вузовские коллективы Сибири в конце 1950-х – начале 1990-х гг. занимались и вопросами воспитательной работы со студентами во внеучебное время.

В те годы, исходя из общей идеологической направленности правящей партии и государства, основной целью складывавшейся системы коммунистического воспитания будущих специалистов явля-

лось формирование марксистско-ленинского мировоззрения. Следует отметить, что подобная работа осуществлялась обычно местными органами власти в соответствии с постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР, например, "О задачах партийной пропаганды в современных условиях" (1960 г.), "Об очередных задачах идеологической работы партии" (1963 г.), "О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышении их роли в коммунистическом строительстве" (1967 г.), "О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы" (1979 г.), "Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии" (1983 г.), "О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи" (1984 г.) [1]. По нашему мнению, названные постановления носили декларативный характер, не несли в себе нового содержания, они лишь каждый раз углубляли чрезвычайную идеологизацию форм и методов воспитания в высшей школе.

В рассматриваемый период времени, в сибирских вузах воспитательная работа проводилась на основе перспективного планирования, рассчитанного на весь период пребывания студентов в учебном заведении. Такое планирование способствовало целенаправленной идейной закалке студенчества, а партийным структурам давало возможность держать под жестким контролем учебно-воспитательный процесс. В то же время, оно благоприятствовало, во-первых, активизации деятельности кафедр общественных, общенаучных и специальных дисциплин; во-вторых, предотвращению дублирования проводимых мероприятий; в-третьих, появлению новых форм воспитательной работы; в-четвертых, развитию социальной активности студенческой молодежи. Уже в начале 1960-х гг. вузовскими коллективами региона были сделаны первые попытки научного подхода к планированию воспитания. Например, в Иркутском и Новосибирском госуниверситетах, Омском сельскохозяйственном, Сибирском металлургическом, Томском медицинском, Читинском педагогическом и других институтах в 1963/64 уч. г. перешли к составлению единого плана политико-воспитательной работы, рассчитанного на весь учебный год. В отличие от планов предыдущих лет, последние вносили плановость и очередность в проведении воспитательной работы в масштабах всего вуза и включали выполнение мероприятий ректората и общественных организаций, в определенной степени координируя их деятельность [2]. В частности, общий план политико-воспитательной работы Красноярского сельскохозяйственного института предусматривал направления для каждого факультета: для агрономического – участие студентов в оказании помощи колхозам и совхозам в противоэрозионной работе, заготовке кормов, уборке урожая; зоотехнического – ведение атеистической пропаганды, шефство над детскими садами и яслями; ветеринарного – работа с трудными подростками, шефская помощь сельским школам [3].

Такие планы хотя и помогали в некоторой степени устранять параллелизм и дублирование в воспитании студенчества, учитывать специфические особенности отдельных коллективов, но они были рассчитаны на один учебный год и не давали возможности обеспечить перспективное планирование на весь период обучения.

Тенденция придать воспитательному процессу системный характер, в результате которого обеспечивалось бы единство всех звеньев вузовской жизни, наметилось после выхода постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием в стране" (сентябрь 1966 г.) [4]. В вузах стали разрабатываться комплексные планы мероприятий. Так, партком Омского института инженеров железнодорожного транспорта (ОмИИТ) разработал в сентябре-октябре 1967 г. перспективный план мероприятий, учитывавший коллективное мнение всех факультетов и кафедр вуза. Затем, в целях контроля через два года, в апреле 1969 г., на своем расширенном заседании заслушал выступление проректора ОмИИТа по учебной работе А.С. Лисовского, предварительно организовав проверку выполнения разделов плана основными структурными подразделениями вуза [5].

По решению парткомов, партбюро и партийных собраний в 1967 г. началась разработка перспективных планов в Иркутском и Томском госуниверситетах, Бурятском сельскохозяйственном, Алтайском и Красноярском медицинских, Томском инженерно-строительном, Енисейском и Новокузнецком педагогических, Сибирском технологическом институтах [6]. С 1970/71 уч. г. Иркутский государственный педагогический институт иностранных языков, Красноярский и Томский политехнические, Сибирский автомобильно-дорожный, Новосибирский, Омский, Кемеровский и Читинский медицинские и другие институты региона – стали осуществлять перестройку системы воспитательной работы на основе новых планов [7].

В дальнейшем, в соответствии с установкой XXV съезда КПСС (1976 г.) "О тесном единстве идейно-политического, трудового и нравственного воспитания ..." вузовские коллективы в течение 1976–1977 гг. пересмотрели и утвердили комплексные планы коммунистического воспитания, рассчитанные на все годы обучения [8].

Например, коллектив Томского государственного университета основное содержание воспитательного процесса отразил в "Комплексном плане коммунистического воспитания студентов на весь период обучения в ТГУ". В нем были определены основные направления: идейно-политическое, профессионально-трудовое, атеистическое, нравственное, эстетическое, военно-патриотическое и физическое воспитание. План также предусматривал включение студентов в такие виды академической и общественно-полезной, практической дея-

тельности, как самостоятельную, учебную, научную, общественную, художественную, спортивную и т.д. Выполнение комплексного плана постоянно контролировалось парткомом и партбюро факультетов университета [9].

Стремясь к единству обучения и воспитания студентов вузовские коллективы Сибири, в конце 1950-х – начале 1990-х гг., наряду с другими направлениями воспитательной работы со студентами во внеучебное время, особое внимание уделяли нравстенно-эстетическому воспитанию.

В высших учебных заведениях региона была разработана система вовлечения студентов в общественную жизнь коллективов через развитие клубов по интересам, тематических вечеров, музыкальных лекториев, кинолекториев, экскурсий в художественные музеи, университетов культуры, студенческой самодеятельности, самодеятельного искусства.

Значительным событием в жизни высшей школы явилось создание в конце 1950-х гг. университетов культуры. Студенты и преподаватели получили возможность регулярно слушать лекции по литературе, живописи, музыке, по вопросам этики и эстетики. Например, в 1959/60 уч. г. в университете культуры Томского инженерно-строительного института (председатель правления Я.П. Рачек) занятия проводились в виде лекций, бесед, воспоминаний участников художественной самодеятельности, лекций-концертов симфонического оркестра филармонии, которые охватывали большой круг вопросов и проблем культуры, проходили интересно и увлекательно [10].

Важным подспорьем в деле повышения интеллектуального уровня научно-педагогических работников и студентов Красноярского политехнического института (КрасПИ) также служил университет культуры, организованный в октябре 1964 г. С преподавателями и учащимися этого вуза в разные годы встречались ученые, писатели (А.И. Чмыхало, И.И. Сибирцев), поэты (Ю. Яхнин), мастера культуры (народная артистка РСФСР, солистка Большого театра И. Масленникова, лауреат международных конкурсов, скрипач В. Климов и др.). Со специальными лекциями о музыке выступали: художественный руководитель Красноярской филармонии А.Е. Шварцбург и ее директор – П.Т. Берзак [11]. Университет культуры КрасПИ продолжал функционировать и в 1970-е гг. Он имел четыре отделения: музыкальное, литературное, этики и киноискусства. Вклад его в формирование духовного мира выпускников вуза был огромен [12].

Придавая важное значение эстетическому воспитанию студенческой молодежи Томский горком КПСС специально рассмотрел этот вопрос на бюро и принял соответствующее постановление [13]. В свою очередь, ректорат и партком госуниверситета, совместно с кафедрой этики и эстетики, проделали значительную работу по созданию студенческого университета искусств [14].

В результате предпринятых мер лучше стали использоваться культурные возможности города, укрепились связи ТГУ с творческими организациями. Более частыми стали встречи работников искусства со студенческой молодежью. На базе томских театров и кинотеатров были организованы просмотры студентами спектаклей. Организовывались кинолектории на морально-этические темы, коллективные просмотры фильмов, зрительские конференции [15].

Важно отметить, что руководство Томского госуниверситета совершенствовало уже имевшуюся базу для эстетического воспитания студенческой молодежи. Широкой известностью пользовались такие коллективы, как народная хоровая капелла – лауреат премии Ленинского комсомола (художественный руководитель, заслуженный работник культуры РСФСР В.В. Сотников); народный самодеятельный эстрадный оркестр ТГУ-62 – лауреат премии Томского комсомола (художественный руководитель, старший научный сотрудник А.М. Ратнер); театральный коллектив, хореографический ансамбль, студенческие театры миниатюр (СТЭМы), ансамбль скрипачей и виолончелистов, киноклубы по интересам и многие другие самодеятельные коллективы [16].

В различных направлениях проводилась работа по воспитанию высоких нравственных, этических и эстетических качеств будущих специалистов в Иркутском, Кемеровском, Новосибирском, Красноярском госуниверситетах, Алтайском, Иркутском, Томском, Читинском политехнических, Бурятском и Омском сельскохозяйственных, Алтайском, Новосибирском, Красноярском, Читинском, Кемеровском, Томском медицинских, Норильском вечернем индустриальном, Сибирском автомобильно-дорожном и Сибирском металлургическом, Барнаульском, Новокузнецком, Бурятском, Тобольском, Лесосибирском, Горно-Алтайском, Кызыльском, Томском, Читинском педагогических, Восточно-Сибирском технологическом и других институтах. В этих вузах на заседаниях ученых советов, идеологических комиссий парткомов, советов ОПП, деканатов и партбюро факультетов регулярно обсуждались вопросы нравственно-эстетическогой подготовки студентов. Они находили отражение в планах работы деканатов, общественных организаций, кураторов академических групп. Важную роль играло привлечение студентов к участию в художественной самодеятельности, охране общественного порядка, в органах студенческого самоуправления, в обсуждении политических тем по проблемам активизации жизненной позиции, нравственной чистоты, контроля за сохранностью социалистической собственности, о месте современного молодого человека в обществе [17].

Одной из наиболее известных традиций в жизни высших учебных заведений Иркутска, Новосибирска, Улан-Уде и других городов региона являлась организация интернациональной деятельности студентов, которая по замыслу вузовских коллективов должна была способствовать расширению дружественных связей, взаимных контактов с молодыми сверстниками за рубежом. Данное направление с

момента возникновения носило в основном классово-политический характер, чему способствовали и формы проведения: маевки, недели интернациональной солидарности, фестивали политической песни, плаката, театра. В те годы интернациональное воспитание входило в "кодекс строителя коммунизма" в качестве основополагающего звена коммунистического воспитания, и "интерработа" была в центре внимания руководящих структур вузов. Так, например, в Иркутском государственном педагогическом институте иностранных языков (ИГПИИЯ), в 1970-е гг., интернациональное воспитание студенчества осуществлялось через первичные организации общества советско-вьетнамской дружбы, общества СССР-ГДР и т.д. Факультетские интерклубы насчитывали в своем составе по нескольку десятков студентов, которые активно занимались сбором разнообразного информационного материала о жизни народов изучаемого языка. В институте были созданы ансамбли немецкой, английской, французской речи. Особенно плодотворно работали КИДы: "Студенческий меридиан", "Октоберклуб", "Клуб им. Хосе Диаса". "Октоберклуб" занимал неоднократно первые места среди интернациональных клубов Иркутской области. Его участники помогали интерклубам школы № 8 г. Иркутска и Братского целлюлозного комбината. Очень много внимания данной работе уделяли преподаватели ИГПИИЯ Е.Г. Булатова, Л.В. Якимова, Т.А. Серебренникова. Деятельность интерклубов была для студентов полезной и привлекательной. В них они глубже знакомились с жизнью стран изучаемого языка, их культурой, искусством и обычаями. Многие интерклубовцы побывали в заграничных поездках и затем делились со студентами своими впечатлениями, оформляли выставки, составляли фотоальбомы. Материалы таких поездок были собраны в фотоальбомы и хранились в музее вуза [18].

В 1977/78 уч. г. на базе Новосибирского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии прошли вечера интернациональной дружбы, в которых принимали участие иностранные студенты, обучавшиеся в вузах областного центра (НГУ, НЭТИ, НЭТИСе, НИСКТе), а также были проведены недели советско-монгольской и советско-кубинской дружбы [19]. В 1978 г. вокально-инструментальный ансамбль Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта стал лауреатом V конкурса-фестиваля политической песни, проводившегося обкомом ВЛКСМ, а в 1979 г. группа студентов-транспортников стала победителем городского телевизионного фестиваля политической и молодежной песни [20]. В институтах Бурятии (культуры, педагогическом, сельскохозяйственном и технологическом), на рубеже 1970-х – 1980-х гг., стали традиционными вечера политической песни и политического плаката, в которых участвовали студенты всех факультетов этих вузов [21].

Позднее, в сфере нравственно-эстетического воспитания студенческой молодежи Сибири все большую роль стала играть клубная работа. К примеру, в 1987–1991 гг. в Новосибирском госуниверситете (НГУ) популярными коллективами стали факультетские клубы "Квант", "Максимум", "ФЕН клуб", "Гея", гумклуб. Университетские клубы организовывали веселые и остроумные вечера, посвящения в студенты, праздники юмора. Заметным результатом клубной деятельности стала победа студентов НГУ в финале Всесоюзного конкурса КВН [22].

Студенческий клуб "Политехник" Красноярского политехнического института, во второй половине 1980-х гг., работал по следующим направлениям: лекционная пропаганда, университет культуры, художественная самодеятельность, тематические вечера, клуб интернациональной дружбы, дискоклуб, киноработа. Тысячи студентов прошли через студенческий клуб КрасПИ, получив необходимые знания и навыки общения, различные аспекты гуманитарных знаний, патриотического воспитания [23].

Содержательную работу по формированию личности будущего учителя проводили в Абаканском пединституте клубы "Патриот", "Планета", "Природа и люди", "Эврика". Они уделяли основное внимание эстетическому и интернационально-патриотическому воспитанию, пропаганде бережного отношения к природе [24].

В Алтайском политехническом институте на рубеже 1980-х–1990-х гг. успешно функционировал студенческий клуб, состоявший из восьми кружков, в которых занималось около 300 студентов, и выполнявший роль методического центра для факультетской художественной самодеятельности. Одной из форм работы студенческого клуба являлась пропаганда советского изобразительного искусства и киноискусства [25].

В целом, положительно оценивая состояние воспитательной работы со студентами во внеучебное время, нельзя обойти молчанием и наметившуюся тенденцию к падению нравственности среди молодежи. В ряде высших учебных заведений Сибири эти вопросы обсуждались на ученых советах, партийных собраниях, заседаниях ректоратов, парткомов, партбюро, деканатах, рассматривались на научно-практических конференциях. В выступлениях вузовских работников подчеркивалось, что в связи с ослаблением воспитательной работы и под влиянием массовой культуры в студенческой среде усилились проявления бездуховности, эгоизма, стяжательства и мещанства [26].

В некоторых сибирских вузах, особенно к концу исследуемого периода, из-за крупных просчетов и упущений в воспитательной работе ректоратов, общественных организаций, деканатов и кафедр усилились негативные проявления среди студентов. Об этом, в частности, свидетельствуют вспышки межнациональной розни, имевшей место в Томском госуниверситете, Кызыльском педагогическом, Алтайском и Бурятском сельскохозяйственных и других институтах региона [27]; многочисленные случаи нарушения правил проживания в общежитиях в Кемеровском, Омском и Тюменском госуниверси-

тетах, Алтайском, Иркутском, Кузбасском, Читинском политехнических, Алтайском сельскохозяйственном, Красноярском и Читинском медицинских, Новосибирском, Тобольском и Лесосибирском педагогических институтах [28]. Так, например, в качестве профилактики исключения стихийных форм группирования студенчества по национальному признаку профком студентов Томского мединститута (ТМИ) в 1987/88 уч. г. стал практиковать смешанное заселение учащихся по комнатам в общежитиях. По мнению студенческого профкома ТМИ, вовлечение студентов нерусской национальности в занятия общественной работой, участие в клубах по интересам, художественной самодеятельности, во всех социально-политических мероприятиях медицинского вуза позволило держать их в поле зрения и исключить возможность возникновения каких-либо инцидентов на национальной почве [29].

Как показал анализ деятельности вузовских коллективов Сибири в конце 1950-х – начале 1990-х гг., проблема воспитательной работы со студентами во внеучебное время постоянно стояла в центре их внимания. Однако чрезмерный крен в сторону формирования " научного мировоззрения", "политической сознательности" студенчества, привел к снижению общекультурного уровня молодежи, деформации личности, порождал аполитичность, равнодушие в студенческой среде, что особенно заметно проявилось в резком возрастании правонарушений. Не имели положительного воздействия на студентов и различные формы идейно-политического воспитания, появлявшиеся вслед за решениями очередных съездов и пленумов КПСС. А так, как эти решения носили преимущественно декларативный характер, не несли в себе нового содержания, то и принимаемые в вузах меры сводились к одному и тому же идеологическому содержанию.

Не отказываясь в целом от системы воспитательной работы в высшей школе, как таковой, и одного из ее направлений – нравственно-эстетического воспитания, тем не менее заметим, что она необходима прежде всего в той ее части, в основу которой положены идеи гуманизма, формирование духовной и политической культуры, возрождение у студентов чувства патриотизма и любви к Родине, постоянной готовности служить процветанию ее могущества, защищать ее свободу и независимость. Для достижения этих целей, представляется возможным применение наиболее эффективных, как "старых", так и новых форм и методов внеучебной воспитательной работы в вузах, освободив их от идеологического влияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. КПСС о культуре, просвещении и науке. — М.: Политиздат, 1963; Правда. — 1967. — 22 авг.; Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. — М.: Политиздат, 1983 и др.
2. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 80. Оп. 51. Д. 161. Л. 86.
3. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК). Ф. 26. Оп. 23. Д. 39. Л. 11—12.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Изд. 8-е, доп. — М.: Политиздат, 1978. — Т. 9. — С. 125—135.
5. Текущий архив Омского института инженеров железнодорожного транспорта (ОмИИТа). Отчетный доклад парткома вуза, 29 октября 1969 г. Л. 7— 8.
6. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф.П. — 75. Оп. 9. Д. 294. Л. 9—10.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.П. — 4. Оп. 68. Д. 65. Л. 25—26.
8. Петрик В.В. Университетское образование в Сибири в 1980-е гг. (общественно-политический аспект): Дис. ... канд. историч. наук. — Томск, 1995. — С. 177.
9. ЦДНИТО. Ф. 1221. Оп. 11. Д. 6. Л. 67—68.
10. Там же. Ф. 4584. Оп. 3. Д. 5. Л. 100—101.
11. ЦХИДНИКК. Ф. 6727. Оп. 1. Д. 25. Л. 64.
12. Там же. Д. 120. Л. 24.
13. Постановление бюро Томского горкома КПСС от 28 декабря 1982 г. "О студенческих народных университетах искусств" // ЦДНИТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 603. Л. 331.
14. Там же.
15. За советскую науку (ТГУ). — 1987. — 9 июля.
16. ЦДНИТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 624. Л. 53; Ф. 221. Оп. 13. Д. 4. Л. 49—50; За советскую науку (ТГУ). — 1982. — 18 марта.
17. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф.Р. — 385. Оп. 1. Д. 23. Л. 2—3; Ф.П. — 3948. Оп. 1. Д. 17. Л. 124—125; Д. 15. Л. 16—17; Ф.П. — 9569. Оп. 1. Д. 95. Л. 25—26 и др.
18. Центр документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИИО). Ф. 127. Оп. 103. Д. 51. Л. 2—3; Ф. 3749. Оп. 1. Д. 65. Л. 8.
19. ГАНО. Ф.П. — 4. Оп. 85. Д. 261. Л. 131.
20. Там же. Оп. 88. Д. 109. Л. 41.
21. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф.П. — 1. Оп. 1. Д. 9338. Л. 5.
22. Новосибирский университет: опыт интеграции образования и науки. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. — С. 29.
23. ЦХИДНИКК. Ф. 6727. Оп. 1. Д. 185. Л. 51.
24. Центральный государственный архив Республики Хакасия (ЦГАРХ). Ф.Р. — 528. Оп. 1. Д. 559. Л. 37.
25. ЦХАФАК. Ф.П. — 3948. Оп. 1. Д. 205. Л. 44—45.
26. Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф.П. — 5920. Оп. 1. Д. 7. Л. 6—7.
27. ЦДНИТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 658. Л. 34.
28. ГАКО. Ф.П. — 15. Оп. 43. Д. 4. Л. 66; Ф.П. — 1806. Оп. 1. Д. 192. Л. 42.
29. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 28. Д. 226. Л. 39—40.

УДК: 93/99(093)+930.1/2(2КИ)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ КИРГИЗСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ГОЛОДА В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ XX В. (ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ)

Ш.Д. Батырбаева

Киргизский национальный университет. г. Бишкек, Киргизская Республика

На основе междисциплинарных методов исследования материалов переписи населения 1926–1939 гг., рассматриваются вопросы демографических потерь населения Киргизстана во времена голода 1932–1933 гг., масштабы которого в отдельных регионах республики имели такой же катастрофический характер, как на Украине и в Казахстане в начале 30-х годов XX в.

В СССР межпереписный интервал с 1926 по 1939 гг. стал периодом коренных социально-экономических, политических преобразований. В эти годы в Киргизстане было осуществлены социалистические реформы, в результате которых в республике были заложены основы аграрно-индустриальной экономики, улучшились социально-экономические условия жизни населения и сделан революционный скачок в профессионально-образовательной структуре населения. За этот период население Кыргызстана выросло на 45,6 %, из них городское – на 220,8 %, сельское – на 35,1 % [1. С. 172; 3. С. 78]. По темпам роста населения в СССР в этот период Киргизская республика занимала первое место.

Абсолютный рост численности населения Киргизской республики, в первую очередь городского, в научной литературе рассматривался в качестве одного из главных аргументов положительных результатов социалистических преобразований. Но с рассекречиванием и публикацией основных итогов переписи 1937 и 1939 гг. стало известно, что прирост коренного населения составил всего 14,9 %.

В связи с этим возникает вопрос – насколько прирост населения на 14,9 % соответствовал реальным возможностям демографического воспроизводственного процесса киргизов в начале XX в.?

Для того, чтобы ответить на данный вопрос, нами был применен междисциплинарный метод изучения демографических процессов, а именно – определение имитационно-альтернативного варианта эволюции численности киргизов с середины 20-х годов XX века без учета позитивных и негативных последствий социалистических преобразований. Далее, полученные результаты мы сравнили с реальными данными переписи 1939 г., и тем самым выявили величину замедленного роста численности киргизского населения в течение рассматриваемого периода.

Основными источниками нашего исследования выступают материалы переписей 1926, 1937, 1939 гг. [1–3], данные текущего статистического учета населения [4, 5], дополнительная делопроизводственная документация государственных учреждений республики за рассматриваемый период [6, 7], а также вспомогательные – эпистолярные источники, в частности, дневник Ю. Абдрахманова, председателя СНК Киргизской АССР [8].

Исходя из поставленной задачи, мы разделили эти источники на 4 группы:

1) опубликованные материалы переписей 1926, 1937 и 1939 гг.;
2) исчисленные статистические данные о населении;
3) перспективные исчисления о численности населения, темпах его развития в соответствии с пятилетними планами развития страны;
4) подготовительные материалы для составления пятилетнего плана о темпе роста численности населения на основе социально-экономической, статистической характеристики края до 1913 г. и по материалам переписей 1920, 1923 и 1926 гг.

Следует отметить, что для статистики населения советского периода характерны приписки, случайные и намеренные искажения. Тем не менее, на основе изучения научной литературы по анализу статистических источников этого периода мы пришли к выводу, что данные переписей 1926, 1937 и 1939 гг. в сравнении с материалами современного демографического учета не искажают общей тенденции в динамике численности киргизов за эти годы.

В результате проведенного критического анализа источников, с опорой на достижения в области исследования истории Кыргызстана в период социалистических преобразований, а также с учетом этносоциологических выводов об особенностях демографических процессов киргизского населения, нами установлены величины альтернативного роста численности киргизского населения с 1927 по 1929 гг. в пределах 1,4 %, с 1930 по 1934 гг. – 1,5 % и с 1935 по 1938 гг. – 1,6 %.

Эти результаты показали, что при продолжении в 20-е и 30-е годы XX века курса, взятого в период НЭПа, численность киргизов выросла бы не на 14,1 %, а на 19,9 %. Таким образом, к 1939 г. их абсолютная численность достигла бы не 754 323 человек, а 790 099 человек. Опираясь на эти данные, можно предположить наличие в период социалистических преобразований негативных явлений в естественном приросте киргизского населения. Эти явления, по сути, в это период были характерными для большинства народов СССР.

Сравнение показателей роста численности киргизского населения по регионам, выявляет их существенные различия. Например, во Фрунзенской области республики наблюдался отрицательный при-

рост киргизского населения в пределах 1,9 %. При этом в регионах Южного Кыргызстана – в Джалал-абадской и Ошской областях – мы наблюдаем увеличение населения на 19,8 %. Тянь-шаньский и Иссык-кульский регионы характеризует прирост населения 20,2 и 11,1 % соответственно. Примечательно то, что Фрунзенская область в те годы являлась центральной областью, на ее территории были размещены основные промышленные объекты республики, государственные и образовательные учреждения. Для этой области был характерен активный приток представителей коренного населения других регионов. Отрицательный прирост киргизского населения во Фрунзенской области сохранялся даже при увеличении численности прибывших из других регионов. Например, население столицы – г. Фрунзе возросло с 1701 до 6117 человек [1. С. 216; 5], по нашим расчетам, из других регионов республики прибыло свыше 4 тыс. чел.

Для того, чтобы выяснить причины регионального различия в естественном приросте киргизского населения, мы провели расчет имитационной эволюции его численности по следующим регионам:

1. Южный Киргизстан, куда включили Джалал-абадскую и Ошскую области;
2. Фрунзенскую область, в 1939 г. в нее входили отдельно представленные по переписи 1926 г. Таласский, Чуйский и Фрунзенский кантоны;
3. Тянь-шаньский регион;
4. Иссык-кульский регион.

Наши имитационно-эволюционные расчеты показали, что в Южном Киргизстане численность коренного населения в 1926 г. "составила" 402 300 человек, в Тянь-шаньском регионе – 117 400, в Иссык-кульском регионе – 98 300, а во Фрунзенской области – 173 100 человек. Сравнение этих результатов с зафиксированными данными переписи 1939 года показывают расхождение по Южному Кыргызстану в пределах плюс 1 200 человек, по Тянь-шаньскому региону – плюс 400 человек, по Иссык-кульскому региону – минус 7 100 человек и по Фрунзенской области – минус 31 200 человек.

Цифры по двум последним регионам с отрицательным показателями между зафиксированным количеством киргизов и рассчитанным вариантом их альтернативного прироста, показывают, на наш взгляд, нарушение эволюционного характера в изменении динамики их численности. Это подтверждают результаты новейших исследований по истории Киргизстана 20–30-х гг., ранее засекреченные архивные документы, в том числе и изданные недавно дневники и письма к И. Сталину Ю. Абдрахманова. На основе этих дневников и писем выявляется исключительная роль Ю. Абдрахманова в предотвращении повсеместного голода в республике путем приостановки в начале 1930-х гг. вывоза хлеба из глубинных районов республики; его деятельности по снабжению хлебом хлопководческих регионов, а также по получению льгот для поставок сельскохозяйственных продуктов полукочевым и кочевым хозяйствам.

На наш взгляд, главная причина региональных различий в динамике прироста численности киргизского населения обусловлена последствиями осуществления социально-экономических и политических преобразований. На замедление темпа роста численности киргизского населения в Иссык-кульском регионе и во Фрунзенской области, безусловно, повлияли такие факторы как раскулачивание хозяйств, откочевка киргизов в Китай и внутренняя республиканская миграция. Однако не стоит переоценивать значения этих факторов, так как они были характерны для всех регионов и областей республики. В исторической литературе часто встречается информация о значительных последствиях массовой откочевки киргизов в конце 20-х – начале 30-х гг. в Китай, вызванной перегибами в ходе осуществления коллективизации, раскулачивания и реализации плана по поставке сельскохозяйственных продуктов. В связи с этим хочется подчеркнуть, что массовая откочевка киргизов не могла оказать существенного влияния на темпы прироста коренного населения. Тем более, что в 30-х годах, с первыми положительными результатами колхозного строительства, основная часть откочевавшего населения возвратилась на родину. В пользу этого говорит тот факт, что между реально зафиксированными и имитационно-исчисленными данными по росту численности киргизского населения в 1939 г. в приграничных с Китаем Нарынской, Джалал-абадской и Ошской областях нет существенных расхождений. Тем более, что Фрунзенская область, имевшая отрицательные данные по приросту населения, не граничит с Китаем.

Все эти данные позволяют говорить о том, что в 1932 и 1933 гг. в отдельных регионах Киргизстана – во Фрунзенской области и Иссык-кульском регионе наблюдались катастрофические последствия, связанные с голодом местного населения. Эти голодные годы унесли жизни каждого 6-го жителя Фрунзенской области, каждого 19-го в Иссык-кульском регионе. Это объясняется тем, что жители зерновых районов Таласской и Чуйской долин, входивших во Фрунзенскую область, а также жители Иссык-кульского региона несли основную нагрузку в реализации планов по заготовке хлеба и зерна. Сказалась близость этих регионов к магистральным трассам среднеазиатского значения. Жители указанных регионов были лишены и льгот – специальной разнарядки по снабжению хлебом, которые применялись в отношении животноводческих и хлопководческих районов республики. Положение этих регионов усугублялось и тем, что на их территорию хлынул поток голодающего населения Сибири и Казахстана.

Проведенные исследования показывают, что Киргизстан в годы повсеместного голода, наряду с Россией, Украиной и Казахстаном прошел через тяжелые испытания. При этом в Киргизской республике голод имел региональный или локальный характер и затронул в своей основе население двух крупных регионов – Фрунзенской и Иссык-кульской областей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всесоюзная перепись населения. 1926 год. Киргизская АССР. – М., 1928. – Т. VIII.
2. Всесоюзная перепись населения. 1937 год. Краткие итоги. – М., 1991.
3. Всесоюзная перепись населения. 1939 год. Краткие итоги. – М., 1992.
4. ЦГА КР. – Ф. 105, оп. 1, д. 576, л. 71 об.; д. 910, л. 1 об., 7; д. 1403, л. 57; оп. 2, д. 14, л. 3; д. 552, л. 89; д. 554, л. 25, д. 1107, л. 2, 9, 12; д. 1110, л. 163; д. 1740, л. 24–24 об., 25–25 об.; оп. 6, д. 16, л. 9; оп. 16, д. 16, л. 8, 10; оп. 36, д. 40, л. 2.
5. РГАЭ РФ. – Ф. 1562, оп. 329, д. 83, л. 19, 53; д. 109, л. 37.
6. ЦГА КР. – Ф. 470, оп. 1, д. 839, д. 1243; Ф. 1246, оп. 1, д. 319, 366; ГА Политической документации КР. – Ф. 10, оп. 1, д. 98, 155, 201, 202 и др.
7. Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. – Фрунзе: Илим, 1991.
8. РГАЭ РФ. – Ф. 1562, оп. 336, д. 415, л. 5.